

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
КОМИССИЯ ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ
ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

А.И. НЕКЛЕССА

ГОСПОДИН ВОЗДУХА

**МОСКВА
2003**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.4.

А.И. Неклесса. Господин воздуха / Научный Совет РАН «История мировой культуры». М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003

Personalia

Александр Иванович Неклесса. Заместитель директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН (ИНЭС). Заведующий Лабораторией геоэкономического анализа и проблем социального развития ИАФРАН. Руководитель межотраслевого центра «Геоэкономика». Член экспертного Совета по внешней политике при Комитете по международным делам Государственной Думы ФС РФ и экспертного Совета по проблемам инновационной политики и развития человеческого потенциала при Совете Федерации ФС РФ. Эксперт Центра стратегических исследований Приволжского Федерального Округа.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА», работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим в Службе стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, советником агентства «СОКРАТ».

Автор более 200 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Около 25 лет проработал в системе Российской Академии наук. Член Бюро Научного совета РАН «История мировой культуры», председатель комиссии по социокультурным проблемам глобализации. Действительный член Философско-Экономического Ученого Собрания МГУ им. М.В. Ломоносова.

Основные направления исследований: 23.00.04 – политические проблемы международных отношений и тенденции глобального развития; геоэкономика; стратегический анализ и планирование; философия истории.

Электронный адрес: neklessa@mail.ru

Выпускающий редактор *Е.В. Владимирова*

Технический редактор *Т.И. Рудакова*

Компьютерная верстка *Н.Н. Никольский*

Компьютерный набор *С.И. Иванова*

Публикуется в рамках исследовательского проекта
«Постсовременная цивилизация»

© 2003, А.И. Неклесса

ГОСПОДИН ВОЗДУХА

Мы восстанавливали человека, но когда это существо восстало,
оно оказалось мало похоже на человеческое.

КАРТОГРАФИЯ ХРОНОСА

Прошлое и будущее не существуют сами по себе как полностью автономные пространства; они слиты в потоке времени, стянуты берегами истории, объединены единым субъектом исторического действия – человеком. Разделяют же историческое время на крупные сегменты, зоны, – меняющийся строй ума, большие смыслы судеб людей, различным образом толкуемые ими цели бытия. Мы вряд ли поймем суть происходящих на планете изменений, если не опознаем эти резонирующие со временем длинные волны истории.

При этом кардинальные перемены в мировоззренческом строе, в общественной психологии для нас ничуть не менее важны, чем содержание материальной, событийной жизни общества, ибо они-то, в конечном счете, и являются тем основным, определяющим фактором социальных революций, который вызывает к жизни грандиозные трансформации экономического и политического строя. Разнообразные формы земного бытия, коды обустройства человеческого общежития, в сущности, не что иное, как зримое воплощение социального менталитета, – проросшие зерна той странной субстанции, которая, по выражению одного известного историка, есть нечто общее между Цезарем и самым последним солдатом его легионов, святым Людовиком и крестьянином, который пахал его землю, Христофором Колумбом и матросами на его каравеллах.

В судьбоносные 60-70-е годы прошлого века было модным представлять общество XXI столетия как идилличную глобальную деревню. Контуров нового исторического проекта были прописаны в трудах ревнителей постиндустриального общества от его пророка Даниэла Белла до первого апостола Маршалла Маклюэна. Но, вступив в прихожую третьего тысячелетия, мы с толикой грусти вспоминаем эти сценарии давностью всего в несколько десятилетий. На планете, ставшей *«глобальным театром, у которого нет зрителей, а есть только актеры»* (М. Маклюэн), между тем разворачивается нечто грандиозное и феерическое, определяемое то как конец истории, то как столкновение цивилизаций, а в самое последнее время – как пришествие нового варварства и сполохи очередной мировой войны – на сей раз с глобальным терроризмом.

Человечество, находясь на краю непознанной реальности, ощущает волнение конкистадоров, не имея ни достоверных карт, ни маршрутов. Мир, в который мы вошли, – Трансграничье, диахронный лимитроф, объединивший канувшую в Лету Атлантиду Модернити с новизной стремительно расширяющегося социального космоса. Хроники переходного периода представляют нечто маловразумительное – чересчур персонализированное, случайное, отрицающее всю прежнюю систему исторической записи – *Histories Apodexis*. Устойчивость оценок – качество фиксации реальности, характерное для уходящего эона, в новой реальности мало-помалу становится немодным и неуклюжим раритетом.

Мир, тысячелетиями расколотый на западную Ойкумену и восточный Варвариан, пройдя круги евангелизации, культуртрегерства и колонизации, вернулся в XX веке к некой исходной точке, произведя при этом на свет очередную метаморфозу, – сверкающий мировой град Севера и мрачный, труппный архипелаг Юга... Но песочные часы истории смещают четкость фокусировки, словно на картинах Сальвадора Дали, конструкция начинает рассыпаться, заполняя пылью грады и веси планеты. Возникающий на глазах мираж – верблюжьи караваны на фоне Капитолия, глинобитные землянки, напичканные «Стингерами» и ощетилившиеся спутниковыми антеннами, – обозначил предел реки истории в песках безбрежного времени. «Куда ж нам плыть?»

Новый Север и Глубокий Юг, очертив глобальные траектории, образовали причудливый слоеный пирог – корочку транснационального сообщества элит и трансграничную начинку катакомб мирового андеграунда.

ЛАНДШАФТЫ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Цивилизация подошла к рубежу, когда привычные формы быта и бытия становятся расплывчатыми, транзитными. Исполнились какие-то неведомые сроки жизни мира Модернити («перманентной мировой модернизации»), и его существованию был положен предел. Тезис о «*конце истории*», возможно, именно потому и получил столь широкий резонанс, что зафиксировал данную ситуацию (хотя точка зрения автора знаменитой статьи и была заметно иной). В пространственном измерении манифестацией подобного пограничного состояния стал, наверное, феномен *глобализации*, понятой как физический предел половодью антропотока, как исчерпание им земной поверхности и ее совокупных ресурсов. Что же касается диахронного аспекта, то, наверное, таким предельным понятием является *история*.

Христианский мир в его различных версиях – западной цивилизации, североатлантической цивилизации, глобальной цивилизации – представляет собою локомотив истории двух последних тысячелетий. История, так же как в свое время и природа, из субъекта бытия, – т.е. довлеющей над людьми суммы функций и стереотипов, образующих каркас традиционного общества, – в социальном космосе Нового времени превратилась в *универсальный объект*, своего рода хронотоп человеческой свободы, констатируя тем самым фундаментальное изменение статуса человека. Будущее как часть этого по-новому прочитанного пространства истории, ее единого ландшафта, стало,

таким образом, объектом социальных проекций и конструкций, «активного представления» альтернативных условий быта и бытия.

Но в чем интеграл этой грандиозной трансценденции условий жизни, предельная точка энергичности, базовый агент полноты и смысла перемен? Я думаю, таким интегралом явилось становление личности, а массовой девиацией – пароксизмы индивидуализма, искушения возводимого в абсолют своеволия и дерзновений пробужденной дикости. Но эти девиации, будучи побочными отпрысками могучего древа свободы, имеют некоторые права на общее историческое наследство и вполне законно претендуют, если не на майорат, то, по крайней мере, на обладание частью земель будущего. Так что мировое пространство прочнее всего разделяют, пожалуй, не государственные границы, а помыслы и деятельные грезы его обитателей. Когда-то должна была возникнуть историческая ситуация, в которой личность смогла бы действовать в полную меру обретенных ею сил, вне регламента, вне права, вне закона, вне авторитета, могла бы свободно себя проявлять – равно конструктивным и деструктивным образом – как индивидуальность, а не частица хора. И смогла бы познать до конца, кто и что она есть, сделав, таким образом, свой онтологический выбор.

Человек новой культуры выходит за пределы религиозного патернализма, социального и культурного контроля «над разумом и языком», за грань прежних форм психологического программирования его действий. Он расстается при этом не только с оболочкой обрядности и суеверий, подавлявших извне его волю, но со всем прежним прочтением культурной традиции, реализуя метафизическую и практическую свободу выбора. Равно как и свободу существования вне какого-либо метафизического модуса, что позволяет ему самостоятельно истолковывать начала бытия, проявить свою истинную сущность, какой бы та ни оказалась.

Подобные качества, однако же, обретаются обитателями Земли не в равной мере и в различных комбинациях. На планете возникают смысловые диспропорции, открывающие широчайшие возможности управления и манипулирования людьми, в том числе теми, кто остался приверженцем традиционной культуры. К тому же прочитывание трансформирующимся обществом кодов секулярной эмансипации происходит нередко вне семантических полей культуры Модернити. Подчас оно сопровождается мимикрией модернизации и возрождением под этим химеричным покровом неотрадиционализма, возвратом к трайбалистскому стилю поведения, к коллективным идиосинкразиям и рецидивам остракизма, к автоматическому исполнению ролевых функций под ярлыком бездумного «профессионализма», нивелируя и вытесняя индивидуальную позицию. В итоге возникает угроза массовой инволюции, развоплощения человеческой личности, ее механизации, либо напротив – подпадения людей под темное обаяние культурного одичания и пляски природы на волне упоения обретенным могуществом и свободой, открывшейся для широкого спектра страстей.

Личность вновь, хотя на сей раз и по-иному, погружается в океан коллективного бессознательного, чьим земным отражением становится глобальное массовое общество – аноимизированный «бесплюсной мир», половодье которого едва сдерживается ветшающим каркасом цивилизации.

При обсуждении современной глобальной ситуации нельзя оставить без внимания «события 11 сентября». В феномене нового терроризма видится многое, в частно-

сти, заговор безумных личностей или, если угодно, группы честолюбивых личностей, измышляющих и осуществляющих акции, немислимые с точки зрения прежних систем ценностей и моделей поведения, – например, хладнокровное жертвоприношение тысяч обывателей с использованием современных достижений цивилизации. И одновременно – это форма корпоративности, амбициозное предприятие («аэрократическое партнерство»), эффективно управляющее сценариями судьбоносных событий.

Террористическая активность, индивидуальный акт деструкции постепенно становятся устойчивыми компонентами жизни в этом мире, являясь, в своей основе, извращенным проявлением все той же тяги современной цивилизации к децентрализации и индивидуальной свободе, что и лежащие в основе феномена гражданского общества. Исторический парадокс заключается в том, что в определенном смысле это и есть обугленный остов обостренной социальной инициативы в тотально недоброжелательной или агрессивной среде, а равно и в изменившихся коренным образом обстоятельствах существования, в новой просторности глобального мира и в резко возросших возможностях реализации внутреннего выбора индивида.

Недостойные человека – по тем или иным причинам – условия продуцируют два вектора деятельности: конструктивного изменения ситуации или же ее разрешения путем целенаправленной деструкции. Фрустрированная личность, отчужденная от общества, но наделенная амбициями и социальным инстинктом, неполноте бытия подчас предпочитает его уничтожение. Она сама отчуждает жестокий и недоброжелательный мир от бытия, пусть даже ценой аннигиляционной вспышки...

Дело здесь, таким образом, не в полной смене исторического кода, а скорее в его весьма своеобразном прочтении, в смещении вектора действий к деструкции и анонии как сознательному выбору некоторой части человечества. Это, конечно, уже иной, «опрокинутый», модус цивилизации, лишенный определенных нравственных границ. Отчетливее становится и облик эсхатологической альтернативы – постсекулярного века как ристалища неких анонимных, но по-своему конструктивных сил в заново архаизированной и мистифицированной среде заколдованного мира, обитатели которого вновь впадают в детство человечества.

Суммарный опыт XX века поставил на повестку дня, причем в практической плоскости, быть может наиболее трагический вопрос истории: сможет ли человек сохранить личность, находясь в нечеловеческих условиях предельной свободы греха, и если нет, то как это скажется на его природе и всем будущем мироустройстве?

«НОВЫЙ КЛАСС»

XX век, помимо грандиозной социально-культурной трансформации, выпукло обозначил кризис политических и экономических механизмов управления. Арнольд Тойнби, размышляя об истоках и границах этой грандиозной социальной трансформации, обозначал ее рубеж сначала временем мировой войны (тогда еще не называемой Первой), а затем опустил планку перехода к 70-м годам теперь уже позапрошлого, XIX

века: «индустриальная система стала резко наращивать свою активность, так что размах ее деятельности обрел глобальный характер»¹.

Одновременно отчетливой чертой сознания общества «становится осмысление себя как части более широкого универсума..., повторение предыдущей, так называемой средневековой фазы в западной истории, когда сознание западного общества было под эгидой папы и Священной Римской империи, символизирующих нечто главенствующее и центральное, между тем как королевства, муниципальные города и лены, равно как и другие местные учреждения, воспринимались как нечто подчиненное и окраинное»². Сейчас многое из этих провидческих фраз стало вполне очевидно, с той лишь разницей, что роль церкви заняли СМИ, а место Священной Римской империи – выстраиваемая в настоящий момент на планете ойкумена «Четвертого Рима».

Момент истины XX века это, пожалуй, конец шестидесятых годов – эпицентр социо-культурной революции, обозначившей рубежи взлета и падения, перерождения и угасания протестантского космоса. И одновременно – выхода на поверхность, социальной реабилитации многочисленных подспудных его течений. Нижняя граница периода была охарактеризована социальными мыслителями как «вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории» (З. Бжезинский), «великий перелом» (Р. Диес-Хохлайтнер), «мировая революция» (И. Валлерстайн).

В то время, в условиях «позолоченного века» – материального изобилия цивилизации и раскрепощения человека от многих тягот бытия – в мировом сообществе, как на Востоке, так и на Западе, происходят серьезные, системные изменения. На поверхность, в частности, выходит феномен сетевой культуры, проявившейся в новых формах социальной организации и экономической деятельности, в кризисе прежней системы общественной регуляции и в становлении специфичной группировки элиты – получившей характерное определение «нового класса».

В постпротестантском мире сама стерилизованная секулярность, светскость *per se*, предстает не просто универсальной оболочкой, но наследницей идеалов протестантизма, культурной основой, пределом и осью цивилизации. Будучи носителем политической корректной, внеинституциональной, индивидуализированной версии христианской культуры и соответствующего цивилизационного содержания (если не идеала), секулярность, вместе с тем, оказывается – на очертившихся глобальных просторах – мировоззрением, так сказать, «неосновательным», синкретичным и по-своему хрупким.

Пребывая в состоянии фактической утраты оригинальных начал, полудобровольно наложенного на них «эмбарго», она подвергается интенсивному воздействию, размыванию со стороны разнообразных модификаций как неоязычества, так и традиционализма, не имея ни иммунитета, ни энтузиазма прежних эпох. Кроме того, после политической и культурной деколонизации Не-Запада, образования эклектичного пространства Третьего мира, семантика глобальной революции начинает реализовывать себя как «деколонизация» самого Запада, отмеченная элементами прямого и кос-

¹ А.Дж. Тойнби. Постигание истории. – М.: прогресс, 1991. – С.19.

² Там же. – С.20.

венного демонтажа его прежней культурной конструкции, чертами дехристианизации и квази-ориентализации.

В меняющемся контексте капитализм Нового времени, капитализм «веберовский», «цивилизованный» постепенно утрачивает привычный облик и начинает превращаться в нечто иное. Его прежняя метаморфоза, привычно связываемая с протестантской этикой, теряя черты христианской цивилизованности, возвращается к некоему изначальному состоянию – капитализму «незападному», «варварскому», но в постмодернистской, пока еще непознанной ипостаси.

Одновременно это был поворотный момент в иерархии элит, ее существенная реконфигурация. Речь идет об утверждении на планете в качестве ведущего игрока «нового класса» транснациональной элиты, генетически связанного с феноменом «людей воздуха» – интеллектуалов, интеллигенции, т.е. людьми, управляющими смыслами и целеполаганием общества, образами его будущего, кодами поведения. Людей, которые по-своему, иначе, нежели предшествующая элита «третьего сословия», прочитали понятия свободы, транснациональности, универсализма и культуры.

В XX веке, шаг за шагом занимая все более важные, стратегические высоты, данная субкультура постепенно становится доминантной. За столетие она проделала большой путь от проектирования социальных и инженерных утопий, через создание полифоничной инновационной индустрии (включая военную и космическую отрасли как один ее сегмент и культуру социального, политического, экономического проектирования как другой ее ареал), к тектоническим подвижкам «революции менеджеров», деятельным национальным и транснациональным интеллектуальным корпорациям, соединяя в этой энергичной динамике политическую, экономическую (прежде всего, финансовую), научную, гуманитарную элиты на основе нового прочтения вполне привычного афоризма, гласящего, что *«знание содержит мощь в себе самом»* (или, как выразился бы марксист, оно *«является непосредственной производительной силой»*).

Сейчас даже войны становятся, прежде всего, высокоинтеллектуальными операциями, что порой позволяет выносить собственно боевые действия, ведущиеся к тому же «умным оружием», просто за скобки.

Особенно интенсивный рывок произошел в последней трети столетия. В условиях постиндустриального уклада эта социальная прослойка (*ordo quadro*, «четвертое сословие») получает качественно обновленную среду действия (*информационно-коммуникационную революцию*), практически сложившийся универсум для реализации своей специфической деятельности. Среда, в которой пространство инновационных финансово-правовых операций, «информационной экономики», *knowledge-based economy* представляет собой лишь первый завоеванный ею плацдарм.

Тут, правда, возникает вопрос: так ли уж правильно называть данную форму социального космоса, эту глобальную сетевую культуру постиндустриальным миром? Скорее это некий «новый индустриализм», энергичным образом действующий, однако, преимущественно на базе не научно-технических, не промышленных, а социогуманитарных технологий, создающий в данной среде свои виртуальные и одновременно вполне материальные предприятия, о которых мы с Вами говорили. «Виртуальные», с

точки зрения совокупного объема их материальных фондов, и более чем реальные, если измерять их реальность, скажем, по уровню капитализации.

Подобные «амбициозные корпорации», «невидимые колледжи», «интеллектуальные фабрики», клубы и комиссии – вся эта гибкая индустрия наполняет мир вполне реальной продукцией – материальной и нематериальной – в том числе, в виде образов, смыслов, семантических образцов, текстов, стереотипов, кодов и алгоритмов действия. Здесь есть и свой *haute couture*, и свой *prêt-à-porter*, эксклюзивные, уникальные продукты и продукция массового производства, и даже свой специфический интеллектуальный хлам, пользующийся, однако же, массовым спросом и приносящий значительные доходы. Но, прежде всего, – это новое поколение технологий управления, матричного, ситуационного, глобального управления, создающих совершенно новую среду и формулы системного действия, а также новую политическую перспективу.

В сущности, именно переход доминанты от технологий промышленных к технологиям социогуманитарным, к механизмам действия нового уклада (финансовым, правовым, управленческим, семантическим и т.п.) создал специфическую среду действия, понимаемую как утрата приоритета и первородства промышленной индустрией, как своего рода «эйнштейнова революция» в социальной и политэкономической физике мира. И осознание того факта, что социогуманитарная деятельность, рожденные в ее недрах технологии, уже не есть некоторый «гарнир», но, скорее, сердцевина, плоть актуальных процессов, своеобразный «центр циклона», а промышленные, экономические и политические реалии – ее следствия, естественным образом приводит к реконфигурации современного политического процесса, его институциональных и организационных основ.

Хотелось бы, однако, пристальнее взглянуть в социально-культурные основания современной ситуации. Тем более, что в социальном космосе различимы контуры двух различных версий прочтения будущего, основанных в свою очередь на двух фундаментальных человеческих интенциях, прочертивших пространство социального бытия: охранительной (правой, консервативной, оптимизационной) и революционной (левой, трансцендентирующей сложившуюся реальность, радикальной). Подобная дихотомия прямо сказывается на социальном конструировании, служа психологическим основанием для различных форм политической рефлексии. Под данным (политическим) углом зрения богатство феноменологии социального космоса можно при желании свести к противоборству альтернативных проектов его обустройства, присутствующих, правда, в конкретных ситуациях далеко не в одинаковых пропорциях и, подчас, в непростых сочетаниях.

В исторической драме Нового времени роли этих знаковых оппозиций (правого и левого) были разделены между сословной верхушкой прежнего, феодального мира и деятельным агентом перемен – «третьим сословием» буржуазии (горожан). Архетипом подобного положения вещей является расстановка фигур в ходе революции 1789 года. К концу второго миллениума ситуация, однако, существенным образом изменилась. Прежний, если так можно выразится, «классический» консерватизм постепенно переставал быть актуальным, и «третье сословие» со временем стало *неоконсервативной* – и одновременно, и отчасти либертариистской – организованностью, новой, конъюнктурной формой консерватизма, субъектом охранительного прочтения реальности, удержива-

ния устойчивости ее ставшей привычной экономистичной версии. И, соответственно, активным, умелым противником и, в то же время, по необходимости, соглядатаем, со-работником перемен.

Творческое изобилие, специфический дар христианской цивилизации, достигнув своего пика где-то к концу двадцатых годов прошлого столетия – этой значимой развилки истории, – создало на волне индустриализма (массового, стандартизированного промышленного производства) предпосылки могущества человека в XX веке. И... было, фактически, истолковано как исключительная собственность части человечества. В результате материальные основания для торжества «позолоченного века» – наступление «периода избытка и дешевизны» стандартных материальных изделий и продуктов, достигнутое на основе исключительных по своей мощи производственных ресурсов цивилизации, – оказались избыточными в реализованной логике. И вместо того, чтобы стать предпосылками купирования в той или иной форме очагов вопиющей нищеты на планете, привели к грандиозному кризису *перепроизводства*.

Иначе говоря, характерная специфика ситуации была использована не для социально-экономической гомогенизации мира, но, скорее, напротив – для удержания его расколотого, гетерогенного статуса, для совершенствования технологий управления и подавления, создания индустрии высокотехнологичных войн (этого, кроме всего прочего, конвейерного способа деструкции материальных ценностей и создание искусственных площадок для последующей конструктивной деятельности), для формирования, в конечном счете, разветвленного и изошренного «общества потребления» – обширной индустрии искусственных потребностей и престижного, знкowego потребления.

Прежнее цивилизационное, миссионерское, культуртреггерское прочтение структуры мира по оси *Запад-Восток* сменилось стереотипом его сословной, иерархичной трактовки в рамках социальной, геоэкономической оппозиции *Север-Юг*. И уже в самом факте выбора подобной дихотомии (т.е. разделения мира на богатый Север и нищий Юг) в качестве базовой матрицы при картографировании социального космоса – и тем более в симптомах усиления данной оппозиции – были посеяны семена перманентной планетарной напряженности, ее многочисленных девиаций, комплексной угрозы безопасности и, наконец, грядущего нелицеприятного момента истины.

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Логика выстраиваемого *Rex Oeconomicana* – императив рынка и связанная с этим фактором прагматизация, «каталогизация» жизни, механизация социальных и культурных связей, отчуждение людей от иных, «избыточных» смыслов бытия (и, возможно, связанное именно с этими процессами оскудение творческого дара, наблюдаемое у *homo faber*), – все это вело к серьезным изменениям условий жизни.

Вместо прежнего проекта поступательной модернизации (истоки которого в коренятся в логике евангелизации и идеях Просвещения) формулируются новые, более жесткие правила игры – геоэкономические, – позволяющие устойчиво перераспределять в выгодной для Севера пропорции имеющиеся, но истощающиеся ресурсы. В на-

стоящее время речь, фактически, идет о выстраивании глобальной геоэкономической конфигурации – системы долгосрочного планирования и регулирования условий жизни на планете ³.

Но тут возникает следующее обстоятельство. Ресурсы, прочитанные в логике прежнего, инновационного развития, связаны с расширением пространства деятельности человека. Их состав сопряжен с изменением предметных полей этой деятельности, а, соответственно, означает экспансию самой номенклатуры ресурсов, в то время как остановка, пауза в творческом развитии создает и чрезвычайно обостряет ресурсную проблему, что собственно и произошло. Манифестацией неоконсервативной позиции стало нарастающее присутствие в социальной ткани мира, фактическое доминирование в ней оптимизационных кодов деятельности, геоэкономических технологий удержания желаемой композиции и появление соответствующих, «превентивных» политических проектов. Что с определенного момента ведет к формированию устойчивых мобилизационных перспектив, – положение вещей, ставшее очевидным в начале третьего тысячелетия.

Оптимизация, однако, лишь продлевает время существования (правда, «в идеале» сколь угодно долго), но не возвращает утраченную ситуацию. Роли же консерваторов и революционеров в новом акте исторической драмы заметным образом трансформировались: современная корпорация буржуазии стала с некоторого момента «правым», консервативным (неоконсервативным) полюсом политической динамики мира. Ее охранительные инстинкты проявляются в восприятии себя как «бастиона цивилизации», а импульсы перемен все чаще трактуются ею как угроза всеобщему миру и безопасности, заставляя, в частности, педалировать и гиперболизировать феноменологию «глобального терроризма», расширять его предметное поле, включая в него, с целью оправдания своей консервативной позиции, все более широкий круг явлений.

Механистичность прежнего проекта подверглась, правда, в XX веке серьезной ревизии с целью найти оптимальное сочетание усилий по сохранению основ экономистического мира, с возможностью использовать «энергии революционности», заимствовать порождаемые ими идеи и средства для стратегической реконструкции капитализма ⁴. Именно с данной тенденцией связан выход на историческую арену упомянутого выше субъекта политического действия – представителей «четвертого сословия», деятельных агентов постиндустриального мира.

Социально-культурная революция конца шестидесятых годов, сопряженная с разнообразными проявлениями духа индивидуации, с формированием свободной, деятельной личности, обозначила альтернативную историческую перспективу, одновременно очертив контуры нового глобального политического проекта («левого», революционного). Она также сформулировала в отношении экономистического мира важные контртезисы: «рынок не универсален», «кредит имеет естественные границы», «революция – без берегов» и т.п.

³ Подробнее о геоэкономической системе координат современного мироустройства см. *А.И. Неклесса*. Новая картография мира // *Экономические стратегии*, 2001, №1.

⁴ Подробнее см. *А.И. Неклесса*. Трансмутация истории // *Новый мир*, 2002, №9.

Продление сроков экономистичной фазы цивилизации оказалось, однако, вполне возможным вследствие оппортунизма и коррупции части «людей воздуха», изменивших идеалам самоактуализации ради соучастия в грандиозном проекте спасения Старого мира путем его специфической конверсии. При этом происходит подмена целей: тяга к трансценденции рыночного быта, к миру *духовному* используется в качестве стимула для развития новой колонизируемой рынком области – мира информационного, цифрового, *виртуального*. Человек обретает тем самым иллюзорную компенсацию за свой субъективно неочевидный отказ от онтологии. Иначе говоря, дефицит трансцендентной просторности, тот факт, что рынок не всеобъемлющ, используется в качестве энергичного импульса именно для расширения границ *Pax Oeconomica* за счет колонизации «воздушных пространств» цифрового космоса.

Так сложился стратегический союз динамичного «нового класса», враждебного прежнему порядку вещей, с мобильной частью «третьего сословия» (*неолибералов*, действующих преимущественно в финансовой сфере, «финансовых дьяволов», обновивших основательно подзабытую версию «четвертого сословия»), вследствие чего, действительно, удалось частично залатать дыры старых мехов и наполнить их новым вином. Результатом этого конъюнктурного союза стало, в частности, создание в конце прошлого столетия планетарной информационно-коммуникационной инфраструктуры, концепции и реальности цифровой экономики, новой просторности виртуального мира. А мир капитализма перешел в третью – после торгово-финансовой и индустриальной – фазу своего существования, выстраивая «глобальный каталог» геоэкономического универсума.

Доминирующий ныне на планете вектор социополитической динамики – проект *глобализации* – связан преимущественно с логикой геоэкономической *оптимизации* – глобальной *безопасности* – активной *мобилизации*, деятельного управления рисками, включая превентивные действия. Формула другого вектора связана с внутренней готовностью к серьезным переменам, с идеей самореализации человека в масштабе планеты, с процессом *индивидуации* и *преадаптации*, с «сетевой культурой» в целом, с созданием предпосылок для стремительной экспансии, трансляции новой системы ценностей (морфологическим резонансом новой социокультурной и антропологической ситуации).

Универсальный ремесленник (мастер), человек-предприятие (*manterpriser*), «господин воздуха» становится все более влиятельным актором на планете. Стущая и деятельно формируя пространства идеологической и социальной картографии, «четвертое сословие» очерчивает горизонты нового театра действий, который в одном из его важнейших аспектов можно было бы охарактеризовать как «власть без государства».

Реальность, в которой мы сейчас обитаем, есть не что иное, как *постиндустриальный барьер* – пространство смешения и совмещения ряда характерных, ярких черт этих двух исторических интенций, место присутствия их многочисленных химеричных (синкретичных) и нередко внутренне противоречивых форм. Гиперличность и новый терроризм, амбициозные корпорации и астероидные группы, «глобализация корпораций» и движение за альтернативную глобализацию, сетевая культура и автаркичный

концепт «золотого миллиарда» – все это пейзаж битвы за будущее, развернувшейся на планете.

В конце XX столетия наметились два сценария завершения геоэкономической реконструкции. Одна логическая траектория, чей дизайн был достаточно внятен, – мирное окончание строительства каркаса Нового мира, или, проще говоря, создания тотальной эмиссионно-налоговой системы. Однако в случае, если подобная каталогизация планеты по тем или иным причинам начала бы серьезно спотыкаться о ряд возникающих противоречий, то логично было бы ожидать иной маршрутизации процесса: введения в качестве нормы нестационарной, динамичной системы управления социальными процессами (в русле типологии контролируемого хаоса) вместо статичных схем международных отношений. Результатом данного курса могли бы стать перманентный (точечно-локальный) силовой контроль, появление новых форм конфликтов и путей их урегулирования, отчуждение прав владения от режима пользования, масштабное перераспределение объектов собственности, ресурсов и энергии – и еще, пожалуй, кардинальное изменение структуры цен, – в том числе, за счет целенаправленно взорванного мыльного пузыря финансов. Кстати говоря, схватка 2000 года за президентство в США была симптоматичной именно в данном контексте.

С началом нового века перемены в состоянии мира, изменение его привычной грамматики, *синтаксиса* истории стали уже вполне ощутимы. Кажется, обозначились и некоторые пределы возможностей геоэкономической оптимизации, что предопределило переход от неолиберальной логики действия ко все чаще обсуждаемой – при нынешнем, кризисном порядке вещей – и фактически мобилизационной перспективе «вечной борьбы с терроризмом». Вспомним знаменательные слова президента США Джорджа Буша-младшего из его обращения к нации вскоре после событий 11 сентября: *«война не закончится до тех пор, пока не будут обнаружены, схвачены и обезврежены все до единой террористические группировки на земле»*. Так что в XXI веке «великие потрясения» социального и хозяйственного уклада, кажется, становятся достоянием не только России, но всего мирового сообщества.

В России же положение элиты, в той или иной форме связанной с постиндустриальным производством также претерпело существенные изменения. К концу столетия она почувствовала дополнительную просторность своего стратегического горизонта, однако, в силу ряда обстоятельств ее постиндустриальная *high frontier*⁵ в значительной мере так и осталась потенциальной «российской мечтой». Российский «новый класс» – не тот, джиласовский, номенклатурный «новый класс», а разноликий конгломерат людей, связанных с постиндустриальным производством и бытием, – имея весьма неплохие стартовые позиции, потерпел, в целом, как класс, в годы перестройки и постперестройки стратегическое поражение, что в определенной мере сказалось также на формуле существования окружающего мира.

В XXI веке Россия-РФ, оказавшаяся в руках деклассированной «люмпен-элиты», утратила свою статусную капитализацию и заняла социальную нишу отнюдь не среди членов «технологического сообщества», а среди стран-производителей природного сырья и полуфабрикатов. Основу национального богатства и ВВП страны составляют сейчас не реалии постиндустриального мира (как бы его ни толковать), а пе-

пераспределяемая в глобальной геометрии природная рента. Произошла достаточно химеричная трансформация общества, позволившая за счет распада, частичной архаизации социальных связей, а также коррупции части «нового класса», создать из национального организма подобие трофейной экономики, утвердив при этом клановые (неофеодальные) отношения в обществе. Сложившееся положение, отчасти, напоминает мне феномен африканской деколонизации с более-менее плавным переходом к постколониальной модернизации (в основном в столичных мегаполисах – этой новейшей и весьма специфичной версии «потемкинских деревень»), но уже в арьергарде социального развития мира.

ХРОНОГРАФ ПЕРЕМЕН

Ткань оптимизации с какого-то момента начинает расползаться. Происходящее ныне умелое латание обнаруживающихся дыр, фактическое рacionamento, перераспределение благ цивилизации (глобальных ресурсов и мирового дохода), хотя и по иной, несоциалистической схеме, ограничение глобальной транспарентности – особенно заметное в свободе передвижения малоимущих жителей Юга – и, наконец, мобилизационная перспектива «вечной борьбы с терроризмом», лишь отодвигают, но не отворачивают наступление неприятного для цивилизации момента истины. По-разному прочитываемые сценарии развития глобальной ситуации единогласно указывают на высокую вероятность значимых социальных и экономических турбулентностей уже в ближайшие десятилетия.

Один прогноз из этого сундука Пандоры, фактически, реализовался – кризис цифровой, информационной экономики, связанный со значительной переоценкой ее активов. Об этом сейчас достаточно много пишется и говорится, поэтому не буду данную тему развивать подробно.

Другой обсуждаемый сюжет – неприятности в мировой финансовой сфере, связанные с целым рядом факторов, включая неустойчивость глобального фондового рынка и сложность положения доллара (ярким признаком чего явилось повторяющееся на протяжении двух последних лет снижение его реальной цены – базовой учетной ставки Федеральной резервной системы до абсолютного минимума – немногим более одного процента, т.е. ниже уровня инфляции), что, в конечном счете, подводит мир либо к неким радикальным трансформациям в финансовой сфере, либо же к реальности Большого финансового взрыва.

Третий всадник экономического Апокалипсиса – контур глобального энергетического кризиса. Состояние нефтяного рынка и оценка мировых запасов углеводородов стали заложниками сложной игры, связанной с положением традиционных отраслей промышленности в развитых странах, с одной стороны, и проблемой капитализации нефтяных корпораций, с другой. Но об этом чуть ниже.

К началу нового века наметились два взаимосвязанных сценария завершения геоэкономической реконструкции. Одна логическая траектория, чей дизайн достаточно

⁵ *High frontier* (англ.) – дальняя граница, последний рубеж, стратегическая цель.

внятен, – мирное окончание строительства каркаса Нового мира, или, проще говоря, тотальной эмиссионно-налоговой системы. Однако в случае, если каталогизация мира по тем или иным причинам серьезно споткнется о ряд возникающих противоречий, то логично было ожидать нечто иного: введения в качестве нормы нестационарной, динамичной системы управления социальными процессами (в русле типологии контролируемого хаоса) вместо статичных схем международных отношений. Результатом этого курса становятся перманентный силовой контроль, появление новых форм конфликтов и путей их урегулирования, отчуждение прав владения от режима пользования, масштабное перераспределение и контроль над объектами собственности, ресурсами и энергией – и еще, пожалуй, вероятность кардинального изменения структуры цен, – в том числе, за счет целенаправленно взорванного мыльного пузыря финансов.

Сейчас заметно разнятся толкования глобализации, ее горизонтов, реалий, миражей. Все очевиднее разночтения и диссонансы между европейской и американской трактовками целей и форм современного политического процесса, различия между ними в оценке дизайна возводимой на планете властной конструкции. Наряду с рассуждениями о снижении значения национальной государственности, об усилении власти международных регулирующих органов и «международной бюрократии», о роли коллективных действий в новом мире, смысловое содержание проекта глобализации все явственнее включает в себя также импероцентричную модель обустройства глобального универсума. Модель, в которой одно из государств более чем сохраняет свою актуальность и на практике постепенно отходит от концепции коллективных действий, по крайней мере, в прежнем их понимании, выстраивая на планете архитектуру «Четвертого Рима» (порой, однако, парадоксальным образом наводящую на мысли об историческом реванше Карфагена).

Параллельно укрепляется также прочтение глобализации как великого отступления Модернити, начала неофеодальной эры господства и взаимных столкновений «амбициозных корпораций» – транснациональных элитных группировок различных пропорций, этих «летучих островов», «дредноутов» обозначившегося Нового Севера. Что, вместе с тем, отнюдь не отменяет присутствие в мире других, полускрытых кулисами истории версий глобализации и сжатых, в ожидании своего часа, стратегических инициатив в данной области, наподобие исламистской.

Серьезную метаморфозу претерпевает и стратегия США в сфере национальной, военной безопасности, что выражается в переходе от «доктрины сдерживания» к концепции превентивных действий. Меняется также роль и конфигурация военных союзов и блоков (прежде всего НАТО), сфера их компетенции, очертания актуальных рубежей безопасности, линий конфликтов. Начинает просматриваться контур динамичной (нестационарной) поствестфальской системы международных связей во главе с *империей* – «господствующей мировой державой» (выражение госсекретаря США Колина Пауэлла)⁶.

В сфере же собственно экономики началось, – причем достаточно неожиданно для многих, – вытеснение ставшей привычной темы цифровой экономики темой энергетики в качестве главного мотива актуальных геоэкономических композиций. Их про-

⁶ А.И. Неклесса. Управляемый хаос // Мировая экономика и международные отношения. 2002, №9.

ектная вязь представляет сейчас те или иные аппликации треугольника, вершины которого:

- а) новая энергетическая ситуация и стратегическая инициатива в данной области (а также вся ресурсная проблема цивилизации);
- б) призрак мирового финансового и промышленного кризиса;
- в) многоликая тема безопасности и терроризма в различных версиях ее прочтения.

Энергетический уклад современной цивилизации начинает все отчетливее осознаваться как не менее значимый, чем разнообразные, весьма впечатляющие проекции постиндустриального уклада. В сущности, – это две несущие опоры современного положения вещей в мире и сложившихся структур повседневности. Однако в обеих конструкциях в последнее время обнаруживаются все более серьезные дефекты.

Состояние глобальной энергетической отрасли теснейшим образом связано с углеводородным сырьем, в основном с нефтью. Развитие же атомной энергетики оказалось в силу ряда причин недостаточным, чтобы принять формально логичную эстафету прогресса в данной области. В частности, жупел Хиросимы и Чернобыля был эффективно использован влиятельным нефтяным лобби, умело организовавшим общественное мнение и, как результат, заметно ограничившим развитие атомной отрасли. Не сбылись также надежды, связанные с развитием термоядерной энергетики и возобновляемых источников энергии. В то же время существует ряд признаков того, что сделанные ранее оценки, касавшиеся запасов углеводородного сырья, носили завышенный характер, вследствие конъюнктурных интересов отдельных стран и корпораций (не в последнюю очередь – из-за проблем, возникавших с их капитализацией в период интенсивного роста цифровой экономики).

Кроме того, ряд нефтяных месторождений не смогут в дальнейшем столь же эффективно разрабатываться, либо начать разрабатываться, при низких ценах на это сырьё. Часть нефтяных запасов носит формальный характер, ибо энергетические затраты на их гипотетическую разработку и доставку к конкретному потребителю – при нынешних технологических (и технических) возможностях добычи вполне сопоставимы с энергетической емкостью реально добываемого сырья. Все это позволяет предположить, что где-то в 2020-2050 гг. цивилизацию ожидают своеобразный момент истины – серьезные потрясения, связанные с прободением «энергетического пузыря» и новым статусом углеводородных ресурсов.

С учетом подобных перспектив Америка фактически приступила к пересмотру не только своей политической стратегии, но и геоэкономической, и в частности глобальной стратегии в области энергетики. Вашингтон опасается, что вслед за срывом сектора информационной экономики последует также обрушение традиционных отраслей промышленности. В этом случае задетой оказывается и такая могучая ветвь современной неэкономии, как глобальная финансовая инфраструктура, спроектированная на основе гарантий могущества США, их умения управлять глобальными рисками (что является реальным, хотя и специфическим обеспечением фактической мировой резервной валюты – доллара).

В подобных условиях дешевая нефть становится, своего рода, актуальным фокусом американской внешней политики. В условиях обозначившейся кризисной эконо-

мической ситуации в стране, Соединенным Штатам необходимо не только не допустить роста цен на энергоносители, но по возможности добиться их значительного снижения (примерно до 17-19 долларов за баррель). Однако на этом пути обнаруживается все большее число подводных камней.

Пытаясь добиться радикального снижения цен на нефть – в частности, в результате прихода к власти в Ираке (равно как и в Венесуэле) вполне лояльного к интересам США правительства, а также трансформации в желаемом направлении все более драматизирующихся отношений с Саудовской Аравией – Америка попадает в своего рода стратегический цугцванг. В случае решительных действий в регионе и общего ухудшения ситуации на Большом Ближнем Востоке, высока вероятность серьезного кризиса в отношениях США с ОПЕК – организацией, теснейшим образом связанной с арабским и мусульманским миром.

Все это вместе взятое вынуждает Америку продумывать – в полном соответствии с логикой преадаптации – дизайн специфического стратегического инструментария, – рассматривая, наряду с перспективой системной модернизации ближневосточного контекста, проект создания альтернативной нефтегазовой конфигурации глобального масштаба. Ее опорными точками могли бы стать – помимо играющего свою особую роль Северного нефтяного бассейна Европы – (1) Россия (а в перспективе – также все пространство Каспийского нефтяного бассейна); (2) Северная и Латинская Америки (штат Аляска, Канада, Мексика и Венесуэла); (3) нефтедобывающие неарабские страны Африки, расположенные к югу от Сахары (прежде всего – Нигерия и Ангола).

РАЗМКНУТЫЙ ГОРИЗОНТ

Цивилизация есть определенная форма существования культур, чаще всего ассоциируемая с достижением урбанистической стадии развития. Культура, образно говоря, представляет личность исторического индивида, цивилизация же соответствует его фазам развития, «возрастам», но не всем, а преимущественно тем, которые ассоциируются с достижением и удержанием зрелости. Правда, с некоторого момента понятие цивилизации (т.е. достижения определенной стадии развития организованным человеческим сообществом – так оно было конституировано маркизом *Мирабо* в XVIII в.) охватило также категорию культур (т.е. «культурно-исторических типов», «культурных суперсистем», «субэкумен» и т.п.), став множественным и создав определенную семантическую путаницу.

Культуры, как и личности, – уникальны, представляя некие мировоззренческие коды, специфика которых сохраняется сквозь столетия, усложняясь или, случается, уплощаясь. Стадии их роста – «детство», «юность», «зрелость» – универсальны, хотя не все исторические организмы проходят по всем ступеням, порой сходя с дистанции до времени. На эмпирическом уровне, со времен гибели великих империй древности нам известны и некоторые непростые состояния культур – их «постцивилизационные» состояния. Сценарная футурология активно интересуется этим вопросом, отвечая на него – со времен пророка Даниила до близкого нам по историческим меркам пессимизма

«Машины времени» Уэллса – отнюдь не только в категориях картографии социального прогресса. Кстати говоря, в подобных апокалиптических картинах, – обретших со временем вторую жизнь с помощью призрачного кристалла Голливуда, – с их по-своему красочными образами антропологической катастрофы и постчеловеческого мира «цивилизации смерти», поражает, в сущности, не само содержание, а лишь обилие «горючей воды и человеческой крови»...

Все это, однако, никоим образом не гарантирует отсутствие у истории сюрпризов. В новой социальной среде радикально меняется сложившийся ранее тип цивилизации. Городская культура расплывается, превращаясь в эклектичный коллаж интернационального мегаполиса. Множится феноменология деурбанизации: элитные загородные поселения, внутригородские автономные замки и кварталы, по-своему напоминающие о потускневших декорациях *global village*; уродливые фавелы и бидонвилли, образующие планетарный архипелаг квазидеревень – трущобы Глубокого Юга. Уже сам выбор термина *global village* на семантическом уровне фиксировал ощущение конца цивилизации, по крайней мере в ее прежнем понимании (ср.: *civil*): *виллиджизация* существует вне символической городской черты – это иное прочтение исторического текста. Возможно, – заря постцивилизации (или, пожалуй, квазидецивилизации), но, быть может, и склоненная в свой черед глава земного града перед неким скрытым наследником, анонимным до поры персонажем истории.

Город-фабрика, город-предприятие эпохи Модернити, умирая, переживает родовые схватки. Словно гусеница, становящаяся бабочкой, он преображается в летучий остров Новой Лапутании – динамичную неокорпорацию, эффективно объединяющую рассеянных по миру сотрудников, и соединенную с прежней географией земных пространств системой своеобразных терминалов – глобальной сетью былых метрополисов, этих *hub* 'ов нового сетевого общества.

Космополитичные модули этого мира связывают миллионы активно действующих людей уже не общей территорией проживания, но контрактом, рабочим пространством, средствами телекоммуникации, самой гипергеометрией организации. Новый мир создает собственный глобальный проект – дизайн универсального *сверхоткрытого* (но по-своему элитарного и даже иерархизированного) *общества*, в сетевых глубинах которого растворяется централизованная среда обитания, смешиваются актуальное и иллюзорное, рождая многомерное пространство полностью разделенных рисков.

На распахнувшихся просторах возникает эфирная конструкция Глобального Града как сферы взаимодействия сотрудников и членов международных правительственных и неправительственных организаций, элитных клубов, ТНК и ТНБ, криминальных консорциумов, разнообразных субкультур. Обитатели интернационального трансформера связаны подчас более крепкими узами, нежели с населением собственных стран. Бывший же Новый Свет превращается тем временем в своеобразный супертерминал – *portus* транснационального сообщества, не имеющего отечества и освобожденного от границ земных горизонтов.

Социальное пространство постепенно размывается, становясь практически безбрежным, многовариантным, непознанным. Его просторы таят деньги, власть, приключения, но пионеры этой зыбкой реальности так же, как и в эпоху до географических открытий, лишены достоверных карт и надежных маршрутов. Иллюзии и вымыслы,

мифы и тайное знание вновь сплетаются со структурами повседневности, все чаще проявляется мистификация новостей и анонимность их шального генезиса (случается, что сам факт события оказывается небесспорным). Совершенная коммуникация разносит по миру множасьщиеся аранжировки мелодии гаммеленского крысолова, а городской ландшафт сворачивается тем временем в динамичный и многоликий интерьер, выводя пульсирующую жизнь с улиц в бескрайние тоннели электронных СМИ и Интернета. Обобщенный символ этого призрачного Глобального Града – *Всемирная Паутина*.

И здесь занавес исторического действия в привычном для последних двух тысячелетий смысле, пожалуй, действительно опускается. Обещанный конец истории предстает в виде бесконечности и безвременья вселенского лабиринта, чей центр невидим, а власть – везде...

Сложноподчиненная конструкция Мирowego Севера и Мирowego Юга может быть, впрочем, истолкована и как полупародийное переосмысление дихотомии Страшного Суда, всего корпуса христианской эсхатологии. Тут можно было бы вспомнить известные слова о «переложении иудейского хилиазма... на язык политической экономики»⁷. И даже шире. Почти фарсовое сближение эсхатологического противостояния избранного народа миру зла со «священной борьбой прогрессивного пролетариата и ретроградной буржуазии» в наши дни дополнилось другой диадой: противопоставлением «рыцарского союза демократий Севера мировому плебейству Юга», квинтэссенция коего – идея финального для истории конфликта со странами-изгоями и последующее связывание, либо развязывание демонов мировой анархии.

С другой стороны, миллионы людей соотносят именно эти события с приближением «нового неба и новой земли» постисторического бытия, символизируемого образом инога, возникающего из сердцевины истории идеального града – Горнего Иерусалима.

Ночь истории, что тенью сопричастствует на протяжении всех дней творения человеком своего мира – как изнанка его свободы, как шанс на возрождение первобытного хаоса, – предчувствуя исполнение сроков, кажется, готовится повернуть социальное время вспять, к пещерной архаике Протоистории. В гипотетичном Мире Распада структура Мирского Града, пройдя последнюю стадию разложения былых мегаполисов и фрагментацию бидонвиллей и фавел, скрывается в психоделичном лабиринте мирового андеграунда, на пути возврата к некрополю, в дурную бесконечность немой ахронии. Смутно различимый и предчувствуемый в центре этого лабиринта Пандемониум – тоже своего рода город, имеющий, наверное, весьма причудливую архитектуру.

⁷ С.Н. Булгаков Соч. Т.2. М., 1993. – С.259.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ*

— Александр Иванович, мне часто доводилось слышать мнение, что "постиндустриальный мир" — это мир "расколотой цивилизации". "Расколотой" отчасти и по той причине, что постиндустриальная экономика не требует широкого привлечения рабочих рук и, соответственно, страны, достигшие этой фазы развития, не нуждаются в массовой миграции. Трудовой ресурс в постиндустриальном мире дешевеет, так же как и натуральное сырье. Отсюда вывод — постиндустриальный Север может попытаться замкнуться в самом себе. Что Вы думаете по этому поводу?

— Мне кажется, фокус поставленной Вами проблемы лежит в глубинных основаниях нынешней исторической ситуации. И поэтому, диалог наш должен, хотя бы отчасти, быть разговором о ее принципах и началах.

Категория «антропотока» для меня ценна, в частности, тем, что она не исчерпывается понятием «миграция», антропоток — это динамика человечества в каком-то более широком пространстве, нежели простое сопряжение внутренних и внешних балансов человеческого капитала, это также социокультурная динамика в рамках тех или иных сложившихся или только лишь складывающихся конструкциях и ситуациях. Рамочными понятиями здесь являются глобализация как последовательное исчерпание пределов экстенсивного развития, она как бы оформляет антропоток в масштабе планеты, а роль диахронной оси этой матрицы исполняет история.

И здесь в XX веке действительно произошли фундаментальные изменения. Приобретшие в последнее его десятилетие популярность формулы *глобализации, конца истории, столкновения цивилизаций* говорят о том, что ситуация достигла некоего качественного рубежа. История логично развивалась на протяжении 300–400 лет в русле культуры Модернити — становление национальных государств, формирование капиталистической экономики, колонизация и интернационализация окружающего мира, глобальное распространение процессов секуляризации и эмансипации, гомогенизация мира... Культура Нового времени формировала собственную динамику антропотока, столь отличную от антропологических траекторий общества традиционного, сословного. Предшествующая феодальная культура поддерживала статичную, сословную структуру общества, — культура же Модернити предложила другую модель, открытую, эгалитарную, гораздо более динамичную и демократичную. Это была культурная глобализация, в том смысле, что культура Модернити, представляющая собой динамичную ипостась христианской культуры, в той или иной форме охватила всю планету, практически все заселенные человеком территории.

Так продолжалось, пока в прошлом веке не возник контур масштабного, системного кризиса — прежние политическая и экономическая системы трансцендировали свое естество. Промышленная деятельность и соответствующие экономические конструкции вышли за пределы национального государства, по-новому оказались расставле-

* Интервью было взято Б.В. Межуевым для интернет-альманаха «Государство и антропоток» (www.archipelag.antropotok.ru).

ны политические и социальные акценты и, наконец, мир сотрясла глобальная социокультурная революция, перевернувшая основания прежней модели жизнеустройства.

В рамках нашей беседы я остановлюсь преимущественно лишь на экономическом аспекте этой глобальной трансформации, используя его в качестве камертона для описания возникших коллизий и перемен, хотя кризис XX века можно оценивать, конечно же, с разных позиций.

Пик индустриальной экономической культуры (в ее естественном, гармоничном, с социокультурной точки зрения, состоянии) достиг апогея к двадцатым годам прошлого века. Развитие производительных сил к этому времени произвело две революции, взаимосвязанность которых оказалась, однако, не вполне понятой: это — транснационализация мировой экономики и новое качество (мощь) производства.

К этому времени был достигнут небывало высокий уровень развития производительных сил, что в корне изменило ситуацию с предметами потребления, с вещами — они стали дешевыми и широкодоступными, а их количество — практически неограниченным. Такое положение дел возникло на основе выразительного скачка в процессе технологического развития — каскада фундаментальных открытий, сделанных на рубеже веков (электричество, двигатель внутреннего сгорания, новые материалы, системы коммуникаций и связи), и создания конвейерного производства. Подобное изменение экономической ситуации в свою очередь потребовало нового прочтения социального текста, ибо экономическая и социальная ипостаси общества оказались в значительной мере рассогласованы и находились в весьма противоречивых взаимоотношениях. Сама структура общества оказалась неприспособленной к обрушившемуся изобилию, и это богатство стало избыточным, породив вместо благоденствия жесточайший кризис — кризис перепроизводства и сопутствующую ему массовую безработицу — человек-производитель оказался лишним.

В то же время большая часть населения планеты продолжала пребывать в ситуации жестокой нужды, погасить которую экономика с технической точки зрения была уже в состоянии, но этому, повторю, препятствовала существовавшая социальная структура. Возникшее противоречие можно было разрешить несколькими принципиально разными способами. Логика истории требовала как бы «опрокинуть» увеличившийся материальный избыток на окружающий, в том числе и колонизированный европейскими державами мир, и тогда все совокупное человечество могло бы перейти в некое новое качество *глобального постиндустриального мира*.

Если бы это произошло, мир стал бы более универсальным и гомогенным, безопасным и индивидуализированным (сетевым). Мне это, отчасти, напоминает дилемму гражданской войны в США, — кому принадлежит мир, и равны ли в своем достоинстве люди планеты? Кроме того, повышение уровня безопасности в условиях развития, перерастающего национальные рамки, плодотворного и очевидного для всех сторон, декларированного как общая цель человечества, подрывало бы также позиции военно-промышленного комплекса планеты и всей индустрии высокотехнологических войн как двигателя прогресса. Но, как мы знаем, история пошла совсем другим путем.

В итоге, вышеприведенные рассуждения воспринимаются сейчас как утопия, а реальность форсированного потребления части населения планеты в условиях парал-

лельного существования «голодного миллиарда» — напротив, как естественное положение вещей. Но подобная ситуация все более настойчиво требует своеобразной компенсации — в том числе и в виде «ориентализации» североатлантической Ойкумены, воздвижения вокруг нее специфического аналога «китайской стены», разнообразных фильтров, активно присутствующих в сфере миграций.

Подобная неравновесная формула цивилизации оказывается чревата нарастанием широкого спектра напряженностей и угроз.

— *Вы полагаете, корень возникновения проблемы Севера и Юга объясняется специфической процесса деколонизации в XX столетии?*

— Я бы обратил Ваше внимание на семантический сдвиг, произошедший в XX веке в обозначении западной Ойкумены и восточного Варваристана. До определенного момента никакого «Юга» не было, была социокультурная горизонтальная ось Запад-Восток, заданная христианской цивилизацией как вектор евангелизации, культуртреггерства, колонизации, модернизации. Происходила колонизация планеты, во многом понимаемая как вовлечение населяющих ее народов в орбиту культуры Модернити. Конечно, как и во всяком человеческом предприятии при осуществлении данного процесса было много тяжелого и дурного.

И вот в определенной точке логика этого процесса оказалась нарушенной. Элитой североатлантической Ойкумены было выбрано решение, продиктованное иной логикой развития и «коллективным эгоизмом» образующих ее стран. Было сделан выбор в пользу модели *a la* рузвельтовский «Новый курс» (выбор универсальный, который сделали в той или иной форме все развитые страны), т.е. решения проблем, возникших на волне индустриализации, путем построения общества изобилия в «одной, отдельно взятой стране». А, в конечном счете, — в пользу гетерогенной, «расколотой» структуры мира, т.е. мы возвращаемся к вопросу, с которого Вы и начали нашу беседу.

Развитие форсированного, искусственного, престижного потребления у части населения планеты, а также сопутствующей ей «охранительной психологии» и деморализации общества, формирование индустрии высокотехнологических средств деструкции, замедление инновационного процесса в гражданской сфере (по крайней мере, его фундаментальной составляющей) и т.п. — все это вместе взятое заложило предпосылки для возникновения «новой сословности», разделившей мир «золотого» и «голодного» миллиардов. Что в свою очередь обусловило в XXI веке перспективу *оптимизации – мобилизации – хаотизации* социальной, политической и экономической структуры мира и самого стиля жизни.

Изменившемуся контексту потребовалась новая формула его фиксации. И «горизонтальная» киплинговско-сталинская, культурно-политическая формула *Запад-Восток* сменилась устойчивой социальной и экономистичной вертикалью *Север-Юг*.

— *Когда Вы говорите о реализовавшемся проекте "построения общества изобилия в «одной, отдельно взятой стране»" Вы подразумеваете — в одной, "отдельной цивилизации"?*

— Нет, не цивилизации, потому что к началу XX века уже возникла глобальная цивилизация, и у нее, по существу, имелось два пути развития — либо строить подлинно гло-

бальную (интернациональную) политическую конструкцию: скажем, создавать новую версию вселенского *Universum Christianum* или мирового концерта, развивая универсалистские потенции Лиги Наций как прообраза мирового гражданского общества, — либо решать возникшие серьезные проблемы исключительно в интересах локальных сообществ и их иерархий. И в ситуации мирового экономического краха был избран второй путь, когда архитекторы цивилизации оказались перед поистине титаническим выбором.

Кстати, как можно заметить, аналогичный выбор в тот момент осуществляли и капиталистическая, и социалистическая системы. Выбор носил универсальный характер, поскольку остановка перманентной революции и программа построения социализма в одной отдельно взятой стране — отражали тоже своего рода геокультурный оппортунизм по отношению к изначальному коммунистическому проекту, предполагавшему в том числе интеграцию с освобождающимися от различных форм зависимости или опеки колониальными народами.

Вернемся все же к заявленному экономическому сюжету: существовала серьезная проблема — проблема потребления, расширения платежеспособного спроса. Выражалась она в необходимости создать массового платежеспособного потребителя и в том, что у этого состоятельного потребителя имелся определенный предел потребностей, так что мог наступить момент предельного насыщения, когда в материальном отношении ему мало что было нужно. Для того чтобы обеспечить интенсивное функционирование промышленности, необходимо было взломать это ограничение. И создать другой механизм. И он был создан.

В рамках *форсированного искусственного и престижного потребления* было создано массовое общество потребления и были введены в действие целые технологические направления фактической деструкции материальных ценностей, скажем, при помощи такого невинного и изощренного механизма, как «мода», следствием чего явилось быстрое моральное устаревание продукции, сопровождающееся ничтожными технологическими или чисто маркетинговыми изменениями. Одновременно не-выпуск продукции стал особой экономической операцией. В результате всех этих мер проблема платежеспособного спроса была по-своему решена, т.е. платежеспособный потребитель был создан преимущественно на национальной площадке, и уровень жизни населения поднялся, но — за счет нарастания разрыва развитых стран со всем остальным миром.

Параллельно на протяжении XX века развивалась упомянутая выше *индустрия высокотехнологичной деструкции* (войн) и сопутствующего ей инструментария. К тому же неизбежное в условиях «расколотого мира» возрастание значения безопасности, ее универсализация, требовали все более широких материальных затрат и в этой сфере. Всего этого, в конечном счете, вполне хватило, чтобы компенсировать открывшийся было для человечества «рог изобилия».

Еще одной серьезной проблемой оказалось нарушение предшествующей логики экономического роста. На протяжении солидного исторического срока христианская цивилизация развивалась за счет *инновационного фактора* — т.е. за счет того, что создавала новые инструменты и поля деятельности. В этом было ее принципиальное отличие от цивилизации дохристианской, ибо до этого времени мир избегал феномена рас-

ширенного воспроизводства, предпочитая ему экономический, экологический и демографический баланс. Баланс вообще был определяющим принципом традиционного мира, а для мира христианской культуры определяющей категорией стал не *баланс*, а *развитие*.

В XX веке, однако, произошли серьезные изменения в инновационной сфере, а понятие баланса — геоэкономического, экологического, демографического — вновь становится чрезвычайно актуальным.

Хотелось бы подчеркнуть принципиальное различие между инноватикой, направленной на создание новых предметных полей деятельности, на развитие системы взаимоотношений *человек-природа*, и инноватикой, связанной с системой *человек-человек*. Первая создает предметные поля деятельности, вторая, тесно связанная с операциями в сфере информации, реализует их оптимизацию. Косвенно это различие проявляется в соотношении радикальных и прикладных инноваций, а, с экономической точки зрения, в соотношении доли производительности капитала и производительности труда. Тенденция последних десятилетий — развитие взаимосвязанного комплекса постиндустриальных финансово-правовых и информационно-коммуникационных технологий.

Современная фаза капитализма — геоэкономическая — это во многом действительно *не-индустриальная* фаза развития, а оптимизационная, которую, однако, мы сегодня предпочитаем прочитывать как фазу *постиндустриальную*. Геоэкономическая фаза учитывает остановку инновационного развития, более того, она его провоцирует. Создается замкнутая глобальная конструкция, перераспределяющая квазицентные платежи, на первом этаже которой находится добыча природных ресурсов, чуть выше — промышленное освоение этих ресурсов, выше — производство интеллектуального сырья, еще выше — высокотехнологическое производство. Над этим производственным комплексом возводится финансовая надстройка, которая аккумулирует процентную дань, и, наконец, на самом верху находится штабная экономика, которая постепенно выстраивает глобальную эмиссионно-налоговую систему и осуществляет масштабное управление рисками.

В ходе реализации этого грандиозного проекта мы получаем новую социокультурную ситуацию, новую статичность, новую сословность. Проблемы, возникающие с антропополюсами, формулируются здесь по-новому. Сегодня мы имеем уже не Север и не Юг, пусть и в квазигеографическом смысле этих понятий, а Новый (глобальный) Север как транснациональное пространство элит, и то же самое происходит с Югом — он также становится транснациональным, трансграничным, планетарным. При этом меняется привычная география, поскольку государства, их права и суверенитет, оказываются иррелевантными, неактуальными для значительной части новой элиты, существующей в глобальном пространстве. И они же подрываются динамикой мирового Юга, потому что Юг активно проникает посредством миграции на территории Севера.

— *Но мне кажется, то, что сейчас происходит на сцене мировой политики, должно несколько скорректировать Вашу конструкцию? Глобализм, как он мыслился предшествующей американской администрацией, отступает, финансовые связи оказываются слабее межгосударственных противоречий...*

— В современном мире соприкасаются две магистральные тенденции: глобализация и индивидуация. Первая реализуется преимущественно в финансово-информационной сфере и связана с распространением матрицы «вашингтонского консенсуса». Вторая тенденция связана с социокультурными плодами модернизации мира и выражается в контурах глобального сетевого сообщества, в универсальном космополитизме активных личностей (синергичных групп личностей), свободно владеющими плодами цивилизации и использующих их в самых различных целях. Данный антропологический фактор формирует новую историческую ситуацию и новую форму кочевничества — физического и виртуального, — охватывая своей активностью все пространство планеты: от «летучих островов» Нового Севера до катакомб Глубокого Юга (Кстати говоря, знаменитая «Аль Каида» — это ведь тоже своего рода НПО, активно использующая самые современные механизмы цивилизации).

Что же касается тенденции глобализации (в ее современном прочтении), то на сегодняшний день прочертилось два сценария осуществления геоэкономической реконструкции.

Один сценарий, тот, который мы наблюдали в 1990-е годы и который в американской политической практике связан преимущественно с Демократической партией. В нем была очевидной логика преимущественно финансово-правовой реконструкции мира. На этой основе выстраивалась система глобального планирования и перераспределения ресурсов, обозначенного выше геоэкономического баланса. В рамках планеты выстраивается, таким образом, новая организованность — некое подобие глобального государства (но не объединенного правительства и не мирового гражданского общества), которое создает свою эмиссионно-налоговую систему. Эмиссионную в виде фактической мировой резервной валюты, а налоговую в форме глобальной дани, которая определенным образом выплачивается значительной частью государств, к примеру, в рамках системы перманентного глобального долга, а потом перераспределяется в соответствии с теми или иными масштабными задачами.

С возвращением к власти в США Республиканской партии начинала доминировать другая логика (или можно сформулировать эту тезу наоборот: с актуализацией другой стороны глобального процесса к власти в США приходит Республиканская партия). Суть этой логики сводится к тому, что если мягкий вариант обустройства планеты по какой-либо причине испытывает серьезные затруднения, то включается в действие силовая компонента данного глобального оператора.

Геоэкономический универсум не выражает себя через национальное государство, однако глобальный рынок политически организован и зиждется на гарантиях принуждения. Иначе говоря, возникают новые системы господства, новые правила применения силы и новые организованности, то есть — новый правопорядок (а заодно и новая ему оппозиция). Ключевые реалии прежнего мироустройства переживают драматичные мутации: к примеру, Соединенные Штаты — это политическое образование вышедшее за пределы понятия «национальное государство» и представляет собой нечто новое в политической сфере — страну-систему глобального радиуса действия.

Сейчас на передний план выдвигается программа переустройства мировой инфраструктуры, но не финансово-правовой, а военно-политической. В сфере же экономики акцент перенесен с развития цифровой экономики на контроль над глобальными

ресурсами, прежде всего в области энергетики. В настоящий момент вооруженные силы США не есть инструмент, употребляемый для защиты национальных границ, а средство продвижения транснациональных интересов особой группировки мировой элиты. Посредством этих мер наряду с «новым Карфагеном» — центром мировой финансовой инфраструктуры, США выстраивают «новый Рим» — ареал мировой военно-политической силы.

— *Давайте вернемся к теме миграционной политики. Можно ли сделать из Ваших слов вывод, что постиндустриализм, самоопределяющийся в сторону закрытости от так наз. третьего мира, — это постиндустриализм, основанный на информации и финансовых спекуляциях, тогда как очередной виток инновационного развития разрушит эту закрытость?*

— Полностью закрытый, автономный постиндустриальный мир — невозможен: никакой уклад не отменяет полностью предыдущий, промышленная экономика не отменила сельскохозяйственную, постиндустриальный мир также не отменяет мир индустриальный, он просто создает новое деятельное пространство. И все эти пространства взаимосвязаны универсальным потребителем.

Однако формы этой взаимосвязи могут существенно различаться. Возможна, к примеру, форма глобальной закрытости в виде сословной геоэкономической иерархии подменяющей свободную конкуренцию, включая возможность экономической конкуренции укладов. Развитие тоталитарной, закрытой, сословно-организованной структуры, — а геоэкономический универсум лишь тогда эффективен, когда он более-менее тотален, — позволяет получать устойчивую сверхприбыль за счет геоэкономических технологий, наподобие известных «ножниц цен», и может сопровождаться определенной архаизацией, социально-культурной демодернизацией быта и бытия (инновация и инноватор перестают носить императивный характер для данной формулы экономической деятельности, исключение составляет военная сфера, — но это уже внеэкономическая категория). Нынешнее фактическое прочтение постиндустриализма преимущественно в финансово-правовой плоскости, как общества информационного, а не инновационного, наводит в этой связи на грустные размышления.

Аналогичное противоречие возникает и с антропотоками. Трудно устойчиво разделить пространства обитания различных геоэкономических «этажей». Мир Нового Севера транснационален, но где те летучие острова Новой Лапутании, которые можно было бы заселить? Соединенные Штаты — грандиозный терминал современных транснациональных пространств, — однако его безопасность уже под вопросом. Так что выстраивание безопасного анклава в бушующем океане, равно как и ведение перманентной борьбы с мировым терроризмом — задачи, имеющие привкус «вечного двигателя». Антропотоки, связанные с глобальным Югом, с мировым андеграундом, представляют собой естественную изнанку возводимой геоэкономической конструкции, они проникают на все этажи системы, образуя в ней дополнительные напряжения. Именно в этом, кстати, состоит отличие данной конструкции от прежней формулы глобального обустройства на основе универсальной модернизации.

За верность идеалам приходится платить, но они — как это ни парадоксально — при всех издержках являются своеобразными «реперными точками» наиболее разумного маршрута цивилизации.

СОКРАЩЕННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПУБЛИКАЦИЙ А.И. НЕКЛЕССЫ

Отдельные работы: монографии, сборники статей, брошюры (автор; отв. редактор):

1. Управляемый хаос / Научный Совет РАН «История мировой культуры» / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.3. – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2003.
2. Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2.– М.: Восточная литература, 2002.
3. Стратегическая матрица / Научный Совет РАН «История мировой культуры» / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.2. – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.
4. Трансграничье, его ландшафты и обитатели / Научный Совет РАН «История мировой культуры» / Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.1. – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.
5. Неопознанная культура / Рабочие материалы расширенного заседания Научного Совета по проблеме мировой культуры при Президиуме РАН с участием теоретических семинаров научных организаций г. Москвы. – М.: Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры, 2001.
6. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.1. – СПб.: Алетея, 2000.
(Рец.: Т.Е. Савицкая. Глобализация-2 (Заметки на полях монографии) // Полис. Политические исследования. – М., 2001, №5).
7. Конец эпохи Большого Модерна / Международная научная конференция «Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия» (Москва, 21-23 октября 1999). – М.: Институт экономических стратегий, 1999.
8. Ответ России на вызов времени: стратегия технологической конверсии. – М.: Институт Африки РАН, 1997.
9. Перспективы глобального развития и место Африки в Новом мире (социально-экономический аспект). – М.: Институт Африки РАН, 1995.
10. Пентамино: Россия и новый метарегиональный контекст. Приложение. Схемы. – М.: Синергетическая лаборатория НПО СИНЛА, 1994.
11. Российско-африканские экономические связи в глобальном контексте: проблемы и тенденции. – М.: Институт Африки РАН, 1993.

Главы в монографиях и статьи в сборниках:

12. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Российские стратегические исследования / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Логос, 2002.
13. Введение. Реквием XX веку // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
14. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
15. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
16. Глобальный Град: творение и разрушение // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
17. ЭКОЛАР: комплементарная стратегия развития для Африки и мира // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
18. Геоэкономическая система мироустройства // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
19. Российский проект в системе мировых координат // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.

20. Управляемый хаос: новый цивилизационный контекст // Связь времен (Сборник памяти Н.Н. Моисеева), т.3. / Отв. ред. В.А. Зятицкий. – М., 2002.
21. Ordo Quadro – четвертый порядок: пришествие постсучасного світу // Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика. Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів / Укладачі І.Ф. Кононов (науковий редактор), Бородачов В.П., Топольськов Д.М. – Луганськ: Альма матер-Знання, 2002.
22. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития / Отв. ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев / Центр исследований постиндустриального общества. – М.: Экономика, 2001.
23. Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков / Рос. Акад. Наук, Институт мировой экономики и международных отношений. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
24. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Проблемы глобализации: реальность, тенденции, прогнозы. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир» / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2001.
25. Система геоэкономического мироустройства как глобальный проект // Экономическая теория на пороге XXI века –5: Неэкономика / Отв. ред. Ю.М. Осипов, В.Г. Белолипецкий, Е.С. Зотова. – М.: Юристъ, 2001.
26. Раздел I. Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000.
27. Раздел II. Краткие тезисы к научному форуму «Глобальное сообщество: новая система координат» // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000.
28. Раздел III. Эпилог истории // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000.
29. Финансовый мир: реальные следствия виртуальных стратегий // Теоретическая экономия: реальность, виртуальность и мифотворчество / Отв. ред. Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова. – М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, ТЕИС, 2000.
30. Pax Economіcana // Экономическая теория на пороге XXI века – 3: Экономическая цивилизация и научная экономия / Отв. ред. Ю.М. Осипов. – М.: Юристъ, 2000.
31. Север и Юг в преддверии новой эры (Обзор работы XII секции) // Африка на пороге третьего тысячелетия / VIII конференция африканистов, Москва 28-30 сентября 1999 г. Итоговые материалы. – М.: Институт Африки РАН, 2000.
32. Глава 4. Россия в системе геоэкономических координат XXI века // Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. колл. Д.С. Львов. – М.: Экономика, 1999.
33. Конец цивилизации, или зигзаг истории // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 1. Общие проблемы постиндустриальной эпохи / Серия «Научные доклады», №91. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1999.
34. Эпилог истории, или модернизация versus ориентализация // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 2. Глобализация и Периферия / Серия «Научные доклады», №92. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1999.
35. «Российский проект» в системе мировых координат XXI века // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 3. Особый случай России / Серия «Научные доклады», №93. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1999.
36. Современные процессы глобальной трансформации мирового хозяйства и место Африки в Новом мире // Африка в меняющемся мире (глобальные и региональные аспекты экономических проблем). – М.: Институт Африки РАН, 1995.
37. Состояние и перспективы развития российско-африканских отношений в глобальном контексте // Состояние и перспективы российско-африканских отношений в свете глобальных тенденций развития мирового хозяйства. – М.: Институт Африки РАН, 1994.

Статьи в журналах, альманахах, продолжающихся изданиях:

38. Инновация и революция // Дружба народов. – М., 2003, №4.
39. Трансграничье, его ландшафты и обитатели. Из беседы на берегу Телецкого озера // Москва. – М., 2003, №2.

40. Трансграничье, его ландшафты и обитатели // Архэ. Культуротехнический альманах. – М.; Томск: Дельтаплан, 2003, Вып.4: Гуманитарная Россия, координаты становления.
41. Глобальная трансформация и российский узел // Россия XXI. – М., 2003, №1..
42. Глобальные вершины, локальные ущелья // Москва. – М., 2003, №1.
43. Глобальный Град: творение и разрушение. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2003, №1
44. Внешняя политика в новом мире // Pro et contra. – М.: Фонд Карнеги за международный мир (Carnegie Endowment for International Peace), 2002, т.7, №4..
45. Меморандум «Северо-Запад». Миссия региональной корпорации // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2002, №6.
46. Глобализация, геоэкономика и сетевая культура // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002..
47. Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2002 №9.
48. Трансмутация истории. 11 сентября 2001 года в исторической перспективе и ретроспективе // Новый мир. – М.: Новый мир, 2002, №9.
49. Фабрики мысли спасли Америку. Станет ли Россия пространством *новых* возможностей? // Со-Общение. – М., 2002, №9.
50. Мир после 11 сентября: развитие стратегической инициативы// Бюллетень Института Африки Российской Академии Наук. – М.: Институт Африки РАН, 2002, №9. – С.1-4 (0,4 а.л.).
51. The World after September 11th: Development of Strategic Initiative // IAS Newsletter. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 2002, №9.
52. Феномен 11 сентября и движение к нестационарной системе мировых связей // Россия XXI. – М., 2002, №4.
53. Момент истины. Заметки на полях постсовременной истории // Дружба народов. – М., 2002, №4.
54. Мир после 11 сентября: логика глобальной трансформации // Москва. – М., 2002, №3.
55. Интеллект, элита и управление // Россия XXI. – М., 2002, №1.
56. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002, №1.
57. Наука и высшее образование в постсовременную эпоху // Высшее образование сегодня. – М., 2002, №1.
58. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2002, №1.
59. Проект «Глобализация»: Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Глобальные и стратегические исследования. Вып.1 / Центр глобальных и стратегических исследований / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Институт Африки РАН, 2002.
60. Мир после 11 сентября // Безопасность Евразии. – М., 2001, №4.
61. Порог Нового мира // Москва. – М., 2001, №10.
62. Центральная Азия – опасный регион. Что надо сделать, чтобы он не стал очень опасным? // Азия и Африка сегодня. – М.: Наука, 2001, №6.
63. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2001, №5.
64. Вступление в постсовременный мир III тысячелетия. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2001, №4.
65. A la carte // Полис. Политические исследования. – М., 2001, №3.
66. Трансмутация истории // Вопросы философии. – М.: Наука, 2001, №3.
67. Глобальный Город: творение и разрушение // Новый мир. – М.: Новый мир, 2001, №3.
68. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Безопасность Евразии. – М., 2001, №1.
69. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии – моделирование безопасности // Безопасность Евразии. – М., 2001, №1.
70. Российский проект в системе мировых координат XXI века // Проблемы развития. – М.: Национальный институт развития ОЭ РАН. – М., 2001, №1.
71. Финансовый мир // Мост. – СПб.: ЗАО «ОВИЗО», 2000, №40.
72. Ordo Quadro: четвертый порядок. Пришествие постсовременного мира // Полис. Политические исследования. – М., 2000, №6.

73. Трансмутация истории и ментальность человека (вступление в постсовременный мир III тысячелетия) // Мир психологии. Научно-методический журнал. – М.-Воронеж: Российская академия образования. Московский психолого-социальный институт, 2000, №4.
74. Осмысление Нового мира // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2000, №4.
75. Реквием XX веку // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2000, №1,2.
76. Fin de Millennium, или Реквием XX веку // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2000, №1.
77. Проект «Глобализация»: Глобальные стратегии в преддверии новой эры // Безопасность Евразии. – М., 2000, №1.
78. Реквием XX веку // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2000, №1-2.
79. Конец эпохи Большого Модерна // Знамя. – М., 2000, №1.
80. Pax Economіcana // Мост. – СПб.: ЗАО «ОВИЗО», 1999, №11.
81. Пакс Экономікана, или Эпилог истории // Новый мир. – М.: Новый мир, 1999, №9.
82. Творческий континент Россия // Москва. – М., 1999, №8.
83. Мир на краю истории, или Глобализация-2 // Москва. – М., 1999, №4.
84. Конец цивилизации, или Конфликт истории // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1999, №3, 5.
85. Российский проект // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999, №4.
86. Финансовый мир: реальные следствия виртуальных стратегий // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999, №2.
87. Проект «Глобализация»: Глобальные стратегии в преддверии новой эры // НАВИГУТ. Научный альманах высоких гуманитарных технологий. Вып.1 / Приложение к журналу «Безопасность Евразии». – М., 1999.
88. Pax Economіcana: геэкономическая система мироустройства // Экономическая наука современной России. – М.: Отделение экономики РАН, 1999, №1.
89. Пакс Экономікана: новое геэкономическое мироустройство // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 1999, №1.
90. Pax Economіcana // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999, №1.
91. Новый мировой порядок и Африка // Африка. Суждения и факты / Справочно-библиографическая серия. Том.1. – М.: Институт Африки РАН, 1998.
92. «Российский проект» // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1998, №6.
93. Эпилог истории // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1998, №5.
94. The End of Civilization or the Clash of History // IAS Newsletter. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 1998, №3.
95. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Бюллетень Института Африки Российской Академии Наук. – М.: Институт Африки РАН, 1998, №3.
96. «Российский проект» в системе мировых координат XXI век // Проблемы развития. – М.: Национальный институт развития ОЭ РАН, 1998.
97. Конец цивилизации или Зигзаг истории // Знамя. – М., 1998, №1.
98. Геэкономическая безопасность России в современном мире // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №10-11.
99. Генезис и практика программ структурной перестройки // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №7.
100. Африканская перестройка // Азия и Африка сегодня. – М.: Наука, 1997, №6.
101. Геэкономические горизонты России // Российское аналитическое обозрение. – М.: Россия 2010, 1997, №5.
102. Гипер-Север: стратегия научно-технологической конверсии // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №3.
103. Постсовременный мир в новой системе координат // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1997, №2.
104. Геометрия экономики // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1996, №10.
105. Россия на пороге нового мира // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1996, №2.

106. Долги – для развития? // Африканский рынок. – М.: Институт Африки РАН, Ассоциация делового и культурного сотрудничества со странами Африки, 1996, №2.
107. Россия в новой системе координат: цивилизационных, геоэкономических, геополитических // Научный альманах «Цивилизации и культуры» / Вып.3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. – М.: Институт востоковедения РАН, 1996.
108. Африка в новом мире // Африка. Суждения и факты. Вып.8. – М.: Институт Африки РАН, 1996.
109. Африка: структурная «адаптация» экономики // Африка. Суждения и факты. Вып.7. – М.: Институт Африки РАН, 1995.
110. Россия и Африка: перспективы экономического сотрудничества // Африка. Суждения и факты. Вып.6. – М.: Институт Африки РАН, 1995.
111. Крах истории или контуры Нового мира? // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1995, №12.
112. Контуры Нового мира и Россия // Знамя. – М., 1995, №11.
113. Проблема глобального развития и место Африки в Новом мире // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1995, №8.
114. «ЭКОЛАР» – комплементарная стратегия развития для Африки и мира // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1995, №5.
115. «Третий Рим» или «Третий мир»: глобальные сдвиги и национальная стратегия России // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1995, №1.

Доклады и выступления:

116. Глобальная трансформация и российский узел. Социальные конструкции постиндустриальной эры // Международная научная конференция «Форум будущего» / «Административные системы управления будущим», Санкт-Петербург, 25-26 сентября 2002 г. – СПб, 2003.
117. Инновация и революция / Материалы экспертного семинара и проектной игры «Проектирование национальной инновационной системы» г. Санкт-Петербург 22-24 июня 2002 г. – СПб.: Школа инновационных менеджеров, 2002.
118. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Клуб ученых «Глобальный мир». Доклады 2000-2001 гг. / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2002.
119. Мировой Север и мировой Юг: новый цивилизационный контекст // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). – М., 2002.
120. Квази-Север и Глубокий Юг: глобализация и сетевая культура // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). – М., 2002.
121. Выступление в дискуссии // Четвертая мировая война: за и против. Заседание клуба «Стратегическая матрица» 14 ноября 2001 года. Деловой центр ТПП. – М.: Институт экономических стратегий, 2002.
122. Постсовременная цивилизация // Прикладные аспекты глобализации. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Специальный выпуск. (Материалы научно-практического семинара «Прикладные аспекты глобализации». 20-21 сентября 2001 г.) – М.: Издательский дом «Новый век», 2001.
123. Современная мир-экономика: актуальная геоэкономическая конфигурация // Конец эпохи «мира-экономики», глобализация и естественная социальная эволюция. / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2001.
124. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Культура в эпоху цивилизационного слома / Материалы Международной конференции. 12-14 марта 2001 / Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры. – М., 2001.
125. Конец эпохи Большого Модерна // Миропорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. Материалы конференции. Москва, 1-2 ноября 1999 г. / Гл. ред. А.Н. Кулик / Межрегиональное общественное объединение участников научных, культурных и образовательных программ сотрудничества с США «Профессионалы за сотрудничество». – М.: Добросвет, 2000.
126. Россия в мировой экономике XXI века (Российский проект) // Приоритеты и механизмы экономической политики России в кризисный период / Научно-практическая конференция Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / Секция «Россия в мировой экономике XXI века». – М., 1999.

127. На пороге XXI века, как и две тысячи лет назад, человечество оказалось в ситуации нарастающей культурной растерянности / II. Глобализация в контексте этики // Этнос глобального мира / Отв. ред. В.И. Толстых / Горбачев-фонд. – М.: Восточная литература РАН, 1999.
128. Выступление в дискуссии // Россия в глобальной экономике: проблема самоопределения (круглый стол) / Исследовательский проект «Загадка Евразии: Россия в формирующейся глобальной системе». – М.: Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд), 1999.
129. Выступление в дискуссии / Актуальные вопросы глобализации (круглый стол «МЭ и МО») // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1999, №4.
130. The End of Civilization or the Clash of History // Africa beyond 2000. Symposium on the Development Perspective of Africa Towards the 21st Century. – Beijing: Institute of West Asian and African Studies Chinese Academy of Social Studies, 1999.
131. Выступление в дискуссии / VIII. Многополярный мир и региональные сверхдержавы II. Стенограмма совещания, проведенного в аппарате Совета обороны РФ. Москва, 13 июня 1997 г. // Национальная безопасность: в поисках приоритетов. Материалы совещаний аналитической группы при Совете Обороны Российской Федерации / Серия «Научные доклады», №62. – М.: Московский общественный научный фонд, 1998.
132. Выступление в дискуссии / IX. Россия в XXI веке. Стратегия развития. Стенограмма совещания, проведенного в аппарате Совета обороны РФ по проблемам концептуальных основ военной доктрины. Москва, 11 декабря 1997 г. // Национальная безопасность: в поисках приоритетов. Материалы совещаний аналитической группы при Совете Обороны Российской Федерации / Серия «Научные доклады», №62. – М.: Московский общественный научный фонд, 1998.
133. «Российский проект» вхождения в глобальный мир – возможен // Россия в глобальном мире. Материалы совместного заседания клуба «Свободное слово» и Горбачев-Фонда, состоявшегося 19 сентября 1997 г. – М.: Апрель-85, 1997.
134. Выступление в дискуссии / Глобализация и демократизация (круглый стол). // Глобализация и демократизация. Стенограмма круглого стола, состоявшегося в Горбачев-фонде 1 июля 1997 года / Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд). – М., 1997.
135. Выступление в дискуссии / Экономические реформы в Африке (круглый стол) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1997, №6.
136. Геоэкономическая система координат и проблема развития // Новая роль России в мире и Африке (материалы международной конференции «Россия и новое международное партнерство для Африки» апрель 1994 г.). – М.: Институт Африки РАН, 1995.

Интервью:

137. Стратегическая симфония // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2003, №2.
138. <Итоги года> // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2002, №6.
139. Первая война XXI века // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2001, №5-6.
140. Проблема XXI века // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2001, №34.
141. Новая картография мира // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2001, №1.
142. <Что бы Вы посоветовали Президенту России...> // Москва. – М., 2001, №1.
143. Чай, кофе и судьбы цивилизации // Российская федерация сегодня. – М., 1999, №18.
144. «Российский проект» дает второе дыхание стране // Российский кто есть кто. – М., 1998, №3.
145. Мир Модерна, мир Нового времени подходит к своему логическому концу // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №5.
146. Мир постмодерна, мир игры ломает горизонт истории // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №8-9.
147. На краю Ойкумены // Панинтер. – М., 1997, №3.
148. На краю Ойкумены-2 // Панинтер. – М., 1997 №4.
149. Мы стоим на пороге новых образов Политики, Экономики, Культуры // Деловой мир. – М., 27.8.1996.
150. Мы должны быть реалистами и стратегами. И уметь выбирать потери // Деловой мир. – М., 18.5.1996.